

ТАКУМІ ІКЕДЗАВА
ORCID 0000-0001-8406-7445
(Tokio) (Tokyo)
Place of study: University of Tokyo
Country: Japan
Email: takumi207@gmail.com

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЯЗЫКОВЫХ ХАРАКТЕРИСТИК УКРАИНСКОГО, РУССКОГО ЯЗЫКОВ И СУРЖИКА В УКРАИНСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

У статті розглянене поширене в суспільстві сприйняття мовних характеристик української, російської мов і суржика в соціолінгвістичному контексті. Мета статті – установити загальну інтерпретацію форм і вживань цих лінгвістичних варіантів, щоб з'ясувати їхню рецепцію у вимірі мовного контакту. У статті запропоновано спиратися насамперед на теорії соціолінгвістичних репрезентацій та мажорації й мінорації мов, розроблені у французькій соціолінгвістиці, які дають можливість всебічно досліджувати динамічну систему багатомовних спільнот. У роботі представлено аналіз дискурсу масової інформації, що стосується мовної проблематики в Україні. Здобуті результати демонструють складне становище суржика щодо двох мов, де, з одного боку, змішана мова (суржик) інтерпретується як продукт контакту останніх, а з іншого, – сприймається суспільством як нелітературне явище.

Ключові слова: мовний контакт; соціолінгвістична репрезентація; мажорація і мінорація мов; медіадискурс; суржик.

Постановка проблеми. Одной из характеристик языковой ситуации в Украине является ее сложность. Хотя в общем ее общество описывают как билингвистическое (на западе говорят по-украински, а на востоке используют русский), данная языковая карта, как известно, не только слишком упрощена, но и ошибочна. Правда, что существует географический градиент пропорции употребления двух языков, однако мы не можем игнорировать тот факт, что значительная часть населения – билингвы, которые подвергаются риску смешения двух языков. Такое многообразие и динамичность обсуждаемого языкового положения приводит к тому, что исследователям данной проблематики приходится постоянно искать новые подходы, методы и методики изучения современной речевой ситуации.

Анализ последних исследований и публикаций. Языковое положение в Украине исследуется в различных аспектах и с различных точек зрения. Можно отметить, что на общетеоретическом уровне данный вопрос обсуждается в контексте несбалансированного украинско-русского билингвизма (Zbug, 2015) или украинско-русской диглоссии (Узунов, 2014). В обоих случаях речь идет о том, что в формировании двуязычия играет роль ассимиляционный процесс, спровоцированный взаимодействием языков. Продуктом такого языкового контакта является суржик – смешанная речь, возникшая вследствие различных политических и ассимиляционных процессов, происходивших на территории современной Украины в течение многих столетий (Масенко, 2011, с. 12).

Поскольку суржик представляет собой уникальное явление, посвященные ему научные работы опубликованы в международном масштабе, во многих научных изданиях. Если привести несколько примеров, то Bilaniuk (2004) предлагает типологическую категоризацию смешанной речи, основываясь на обстоятельствах ее появления, Bernsand (2001) интересуется отношениями между суржиком и украинской языковой идеологией, а Kent (2012) проводит детальный морфосинтаксический анализ того же говора в Запорожской, Киевской, Херсонской и Черниговской областях.

С тех пор, как исследования в этой области активизировались благодаря независимости Украины, в научных трудах наблюдается не только углубление понимания языковой ситуации в стране, но и расширение (раздробление) отраслей научной дискуссии в этом направлении. Еще следует отметить, что актуальность и динамичность данной проблематики вызывают необходимость все больше использовать междисциплинарный подход и обновлять теоретические рамки работ.

Не решенные ранее части общей проблемы. Актуальным вопросом остается разработка эффективной методологии, которая позволяла бы детально и целостно проанализировать языковую ситуацию в Украине.

В рамках исследования смешанной речи Sériot пишет: «Для того, чтобы узнать, какой сущностью является суржик, я предлагаю не исходить из того, что он представляет собой какую-то вещь или какое-то явление, которое получило название, а из констатации того, что распространяется название (как дискурсивная практика), которое вызывает очень сильные реакции и имеет многочисленные и несовместные референты» (Sériot, 2005, с. 41). Было бы желательно, чтобы исследования в этом направлении учитывали разные факторы, оказывающие влияние на общее восприятие лингвистических вариантов в стране.

На наш взгляд, к изучению данной проблемы также требуется плюралистический и синхронический подход, в котором речь идет не только об отдельных языках или разновидностях языка, об отдельной взаимосвязи между двумя из них, но также о комплексной системе, в которой играет роль каждый лингвистический вариант. Для того, чтобы реализовать целесообразные исследования и предложить подходящую стратегию языковой политики, обязательно базироваться на теоретически обоснованной релятивистской и дескриптивной методологии.

Цель статьи. Базируясь на вышеуказанных принципах, мы попытаемся проиллюстрировать распространенное в украинском обществе восприятие лингвистических характеристик украинского, русского языков и суржика. Данное исследование также имеет целью разработку методологии, основанной, в первую очередь, на французской социолингвистической школе, и подтверждение ее эффективности.

Теоретические аспекты исследования. Во французской социолингвистике разработан ряд теорий, которые позволяют анализировать обсуждаемые языковые варианты в релятивистских отношениях.

Теория социолингвистических репрезентаций (*représentations sociolinguistiques*) была заимствована из понятия социальных репрезентаций (*représentations sociales*), которое в социальной психологии обозначает «форму знания, социально развитую и распространенную, имеющую практическую цель и способствующую построению реальности, общей для социальной группы» (Jodelet, 2003, с. 53). Этот концепт был применен к социолингвистическому контексту в качестве «категории социальной / коллективной репрезентации», касающейся «языка, его использования и носителей в языковом сообществе» (Boyer, 2017, с. 62) или «способа, которым социальные деятели воспринимают языковые практики, их классифицируют, приписывают им ценности и значения, их интригуют в набор социальных процессов, их конструируют и используют» (Blanchet, 2013, с. 35). В настоящей работе мы допускаем, что социолингвистические репрезентации в Украине представляют собой любую форму более или менее распространенного восприятия, прямо или косвенно относящегося к украинскому, русскому языкам или суржику.

В случае, когда два языка существуют на определенной территории, можно предположить, что один из них становится языком большинства, а другой – языком меньшинства. Во французской социолингвистике анализируется такой процесс в рамках мажорации (*majoration*) и минорации (*minoration*) языков, где последняя определена как «сокращение в различной степени нормального использования языка в обществе (и, следовательно, сфер общения на нем)» (Boyer, 2006, с. 261). В то же время Blanchet разграничивает качественный аспект данной схемы, касающийся субъективных факторов, таких как статуса или преваляирования языка, и количественный аспект, относящийся к «численной пропорции населения» носителей его и «пространственному расположению того же населения или определенных социальных практик» (Blanchet, 2005, с. 27).

Социальные репрезентации существуют и распространяются в ткани общества посредством дискурса (Ру, 2004, с. 6), анализ которого позволяет исследователю «обнаружить целый ряд эксплицитных лингвистических индикаторов, участвующих в минорации / мажорации языков: субъективных лексем, позиционирования высказывающего (одобрительного, модализирующего и т. д.), поскольку он может выделить следы минорации / мажорации языков в (ко-)тексте, которые необходимо включить в материал анализа» (Huck, 2005, с. 189). Таким образом, изучение социолингвистических репрезентаций служит нам основанием анализировать систему оценки языков в Украине, состоящую в принципе из трех соотношений между украинским и русским языками, русским и суржиком, суржиком и украинским.

В рамках вышеупомянутых теорий можно дальше реконструировать лингвистическую идеологию, то есть «любые наборы убеждений о языке, сформулированные пользователями как рационализация или оправдание воспринимаемой структуры языка и его использования» (Silverstein, 1979, с. 193). Исходя из того, что репрезентации функционируют в качестве существенных компонентов идеологий (Mannoni, 2016, с. 56), мы сможем разобраться в языковой идеологии в Украине, которая состоит из социолингвистических репрезентаций, способствующих минорации и мажорации языков. В качестве типа исследовательского корпуса мы выбрали газетные статьи, опубликованные в Интернете. В целом медиадискурс «относится к взаимодействиям, происходящим через платформу вещания, будь то устным или письменным, в которых дискурс ориентирован на не-присутствующего слушателя или зрителя», и представляет собой «публичную, произведенную и записанную форму взаимодействия» (O'Keeffe, 2011, с. 441). Таким образом, мы ожидаем, что рассмотрение актуальных, популярных текстов дает возможность эффективно изучать общепринятый имидж обсуждаемых языков и смешанной речи. Кроме того, мы считаем, что включение в наш материал текстов нетрадиционных СМИ позволит получить широкий спектр данных.

Изложение материала исследования. В данной статье мы ограничиваемся анализом 39 журналистских текстов, опубликованных только на украинском языке или вместе с русской версией в 2012–2019 гг. и касающихся языковой проблематики. 24 статьи взяты из традиционных средств информации, таких как телевидение, радио или журналы. Остальные 15 текстов опубликованы на новостных сайтах, юридический статус которых как пресса в строгом смысле не указан. Что касается жанров текстов, то это в основном репортажи, интервью, аналитические и редакционные статьи. Затем мы идентифицировали 508 единиц высказывания, из которых в 110 текстах речь идет о лингвистических особенностях и в 127 – об использовании языков. Отметим, что в последующем изложении материала мы не обязательно различаем металингвистический и эпилингвистический дискурсы в смысле оппозиции между тем, что эксплицитно или имплицитно высказывается о языке (Blanchet, 2013, с. 35–36), так как во всяком случае обе формы отношения к языкам имеют большое значение для нашего исследования.

В следующих разделах наши данные представлены отдельно в соответствии с рассматриваемым языком.

Украинский язык. В целом мы обнаруживаем сильную связанность языка с его лексической чистотой. Мы видим, например, как на вопрос «Що може популяризувати українську мову серед дітей і молоді в Україні?» ученик отвечает: «Менше сленгу у книжках, які зараз видають» (Радіо Свобода). Естественно, такой пуристский дискурс появляется по отношению к другим языкам, настаивая на искании подходящих альтернатив: «Ніхто не дбає про чистоту мови, ніхто не задумується, що, для прикладу, на будь-яке запозичення з інших мов існує український відповідник» (Твоє Місто). Нам интересно, что в той же статье интервьюируемый считает неправильными не только русизмы, но и англицизмы: «В Україні інтернет мав би називатись всемережжям, а лайк – вподобайком». В другом тексте приводится конкретный пример, проблематизирующий оба иностранных влияния вместе: «Наприклад, такі слова, як здача – є чудове українське слово – решта, шопінг – це заступи і тому подібне, я думаю, що це дуже важливо для нас» (5 канал). Тем не менее, общая тенденция заключается в «борьбе с суржиком» – идее, неоднократно упомянутой в нашем корпусе.

Что касается практического аспекта украинского языка, то наблюдается подтверждение позитивных изменений обстоятельств. Такие перемены ощутимы, прежде всего, с

географической перспективы: «На Сході дуже мало україномовних людей. Звичайно, що зараз їх стало набагато більше, тому що вивченню української мови стали приділяти більше уваги» (Вичерпно). В частности, это развитие вводится эксплицитно в связи с Евромайданом: «Тішить, що після Революції гідності в Києві значно побільшало української мови, багато хто перестав соромитися нею розмовляти на вулиці, на роботі, у маршрутці чи магазині» (Високий Замок). Дискурс в данном контексте підкриває роль мови в общественном развитии, то есть «язык имеет значение» для культурного, исторического, национального, этнического и психологического становления государства как коллектива: «Починаючи з 2014 року усі ці показники вирости у кілька разів, це видно і без офіційної статистики: телебачення, радіо, інтернет – приналежність до української державності, культури, мови – всюди» (UA.News). Однак ми по-прежнему видим, что необходимы дальнейшие усилия в области продвижения языка: «Стати видатним і видавати лише українські книжки, заохочувати людей лише розмовляти українською в Україні. Коли людина успішна, має владу, має розмовляти українською» (Радіо Свобода). Украинский язык, по-видимому, еще нуждается в придании престижности не только в юридическом, но и в общепризнанном смысле: «Якщо в суспільстві буде усталена думка, що українська мова престижна, то населення буде прагнути до її вивчення» (Вичерпно). Стратегія, направлена на промоцію мови, заключається в качественній мажоратції, основаній на переробці його асоціації з певним соціальним шаром: «Насправді, те, що ти говориш українською, – це не маркер того, що ти з села. Це маркер того, що ти українець» (Радіо Свобода). В данном контексте совершенное и чистое владение украинским языком лежит на обязанности особенно тех, кто находится в позиции представителя широкого круга общества: «Але таку фішку [суржик] не може використовувати вчитель, політик чи ведучий. Є такі професії, представники яких повинні прагнути до чистоти мови, їм не можна по-іншому думати» (20 хвилин Вінниця).

По поводу использования языка в литературе, то мы отмечаем непростое мнение. Безусловно, реальная лингвистическая практика отражена в литературных произведениях, так что стандартный язык служит способом стилизации элит страны: «Є персонаж-інтелігент із вищою освітою, який говорить виключно літературною мовою» (20 хвилин Тернопіль). Однак той же письменник все-таки признається в тому, що чисте застосування мови стає перешкодою виразливості: «... я зрозумів, що, відійшовши від літературного канону, можна розширити діапазон» (там же). Оказується, що придання українському мові престижності створює певну парадоксальну ситуацію, де одобрення літературної мови ще закріплює українсько-суржикову диглосію, як ми бачимо в коментарі одного коміка: «Українська мова дуже красива та милозвучна. Мабуть, тому не хочеться жартувати чистою українською. Не хочеться її псувати» (Волинські Новини).

В целом мы наблюдаем позитивизацию социолингвистической оценки украинского языка, базированную на его связывании с такими концептами, как чистота, престиж, прогрессивность, национальность, литературность. Эти репрезентации не обязательно отражают сегодняшнюю языковую ситуацию, а скорее желательную ее форму, то есть украинское одноязычие. Однако, как показывает литературный дискурс, данный процесс сопряжен с риском поляризации сфер использования украинского языка в качестве «высокого» варианта и суржика в качестве «низкого» варианта в диглосическом контексте.

Русский язык. Хотя в нашем материале русский язык упоминается количественно очень редко, мы все же можем констатировать его соотношение с государственным языком и смешанной речью.

Сначала отметим, что в отдельных случаях русский язык считается доминирующим в широких сферах общения: «[Співрозмовниця], яка приїхала навчатися до Черкас з Луганщини, розповідає, що вже звикла говорити російською мовою в усіх сферах життя. Це пов'язано з тим, що і її родина, і жителі рідного містечка послуговуються лише цією мовою» (Вичерпно). Нам цікаво, що колишній президент П. Порошенко також ділиться своїм досвідом по цьому питанню: «В Києві (в Києві!) в університеті викладали тільки на російській» (Еспресо). С однієї сторони, таке географічне поширення російської мови або суржика підтверджується неодноразово конкретними назвами міст або регіонів, а з іншої сторони, – його заперечують: «Існує міф, що Миколаїв – це російськомовне

місто»; «Я вчилася і жила в Дніпрі 5 років, його також називають російськомовним містом, але я говорила українською» (Радіо Свобода). Имея возможность выбора между украинским и русским языком, говорит на последнем, как правило, считается неправильным: «Бувають моменти, коли мене напружує те, що приходять на роботу у справах і починають говорити російською мовою, тоді я підсвідомо відповідаю українською» (20 хвилин Вінниця).

Естественно, русский язык имеет свою многофункциональную и нормализованную форму, что, как в вышеупомянутом случае, предоставляет писателям способ стилизации языка: «В кінці тексту я ввів для симетрії два рядочки російської, коли хлопець знайомиться з дівчиною і для підвищення свого статусу переходить на російську» (20 хвилин Тернопіль). Впрочем, нам интересен следующий отрывок, который отмежевывает вариант русского языка в Украине от его стандартной формы: «Варто відразу зазначити, що подібна російськомовність є дуже умовною, оскільки російська мова, що побутує на території України, сильно відірвана від літературного стандарту» (Радіо Свобода).

Таким образом, хотя русский язык подвергается качественной минорации по отношению к украинскому, он все же остается количественно мажорированным. Кроме того, мы видим ту же поляризацию между обработанным стандартом и повседневной формой, что в данном плане намекает на лишение качественной престижности последней.

Суржик. Если начать с лингвистических особенностей суржика, то увидим, что данная языковая интерференция воспринимается как двунаправленная. Например, в одной из статей перечислены языковые характеристики смешанной речи: «“українізовані” форми російських дієслів», «змішування українських і російських форм займенників», «утворення найвищого ступеня порівняння прикметників і прислівників за зразком російської мови» (Вичерпно). Здесь следует обратить внимание на такие термины, как «украинизированный», «смещение» и «образованный по образцу русского языка» – в зависимости от затрагиваемой

грамматической категории язык-источник и язык-цель интерференции могут быть разными. Такую двойственность определения можно объяснить понятием гетерономии, введенным лингвистами J. K. Chambers & P. Trudgill (1998, с. 9-12). Короче говоря, в диалектном континууме группа географических диалектов концептуально ассоциируется с одной стандартизированной разновидностью. Учитывая, что они классифицируют и русский, и украинский языки в рамках северославянского языкового континуума (J. K. Chambers, & P. Trudgill, 1998, с. 6), мы можем предполагать, что на территории Украины повседневные варианты украинского и русского языков отдельно относятся к своей литературной форме. В данной ситуации гетерономные отношения между суржиком и двумя литературными языками вряд ли точно устанавливаются, поскольку первый так или иначе происходит из обеих сторон.

Хотя само возникновение суржика обычно объясняется как результат русификации, то есть лингвистической ассимиляции украиноязычных, мы также встречаем противоположенное утверждение: «До нас приїхали росіяни, почали розмовляти українською, а ті слова, які не знали, говорили російською. Так і розрісся суржик» (Радіо Свобода); «Блогер Денис Пашанин считает, что суржик возникает тогда, когда русскоязычные люди навязывают свое в украиноязычной среде» (Gazeta.ua). Здесь речь, наверное, идет и о тенденции кодового переключения после независимости Украины, когда носители русского языка, начинающие овладевать украинским, все же подвергаются влиянию удобной себе речи (Bilaniuk, 2004, с. 421-422).

В то же время мы обнаруживаем, как суржик отдален не только от украинского, а также от аутентичного русского языка: «... хочеться нагадати, що київське “пойдем сюдой, вернемся тудой”, одеське “что вы имеете мне сказать” або підслухане на Запоріжчині “хай жинка подождет” – також не зовсім “язык Пушкина и Толстого”» (UAINFO). Более того, константируется отличие данной смеси от географических вариантов украинского языка: «Діалект – це одне з джерел формування і наповнення мов, один із струмків, який йде з народу. Ось тут його не треба плутати з суржигом. Бо суржик – це є нашарування чужизмів, а діалект – це те, з чого формувалася мова» (Твоє Місто).

Это разделение может быть связано с понятием «народный язык», представляющим собой совокупность устных простонародных разновидностей языка и служащим основой литературного языка и его первичным источником (Отієнко, 2001). Как отмечает Bernsand,

мы видим, что «поскольку суржик с лингвистической точки зрения является лиминальным явлением, то и пользователи суржика в националистической языковой идеологии оказываются лиминальными, так как считается, что они не говорят ни на стандартном украинском, ни на русском языке, а на языковой смеси между ними» (Bernsand, 2001, с. 44). Данная лиминальность отражается в нашем материале в качестве отделения суржика от народного языка и осуждения его влияния на литературную форму обоих языков. Именно по этой линии аргументации опасаются негативной роли смеси на исходные языки: «Суржик уничтожает оба языка» (Gazeta.ua); «...в Украине распространен суржик, который может стирать различия между двумя языками» (Znaj.ua).

Таким образом, суржик подвергается качественной минорации, не соответствующая литературной норме украинского и русского языков. Те, кто говорит на суржике, свидетельствуют свою неграмотность, не овладев правильной речью. Наличие такой смеси сегодня объясняют провалом образовательной политики: «...мовна неграмотність українського суспільства виникає через низький рівень дошкільної освіти» (Радіо Свобода). В этом контексте социальный статус, связанный с суржиком, является бескультурьем его носителей: «Він виник у середовищі спочатку менш освіченого прошарку населення, а потім поширився і на інші прошарки населення» (Вичерпно); «До нього ставляться як до мови “неосвічених” – причому зверхність можна відчувати не тільки від україномовної..., але й від російськомовних» (UAINFO).

Однако в количественной перспективе широко признана вездесущность смешанной речи в обществе: «Але у повсякденному житті, як і 99% людей, використовуємо суржик» (Волинські Новини); «И все же и в быту, в общении с друзьями, в пути на работу и на работе мы очень часто употребляем суржик» (Еспресо). Тем временем оказывается, что суржик обладает функцией идентификации, которая связывает его носителей с определенным коллективом или происхождением: «Канешно, суржик – лиш один аспект нашої дійсності, но було б харашо, еслі би ми понімали, що це аспект, який об’єднує нас. І не нада його стіснятися» (UAINFO); «Дивна у них розмова. Чим? Це ж наш рідний суржик, який просто неможливо підробити чи вивчити» (АрміяІNFORM). Кроме того, мы видим, что переход на суржик свидетельствует о его прагматической роли, то есть «контаминация» украинского языка обусловлена отношением говорящего к адресату: «У Кам’янці-Подільському знайомишся з юристом: він говорить українською “чисто”..., щоб ти розумів, що він українець ширий.... Але, знову ж, поступенно розслабляється, а коли виникає настояща довіра – переходить на той-таки суржик» (UAINFO).

Можно считать, что в данной ситуации украинский язык и суржик находятся в диглоссическом конфликте, где первый выступает в качестве доминирующего языка, а второй подвергается «амбивалентной стереотипизации» (*stéréotypage ambivalent*) – понятию, введенному французским социолингвистом Н. Boyer. Согласно ему, доминированный язык одновременно обладает как позитивными стереотипами (например, идентификационным фактором), так и негативными (неязычностью, бескультурьем), в противоположность доминирующему языку (Boyer, 2007). В этом случае мы предполагаем, что такие отношения существуют также между суржиком и русским языком, так как последний имеет литературную форму, как и украинский.

Двойственность и амбивалентность суржика отражаются в практическом использовании его в литературных произведениях. В отличие от стандартного варианта украинского языка, данная смесь является способом передачи живой речи: «Мова твору жива і містить багато суржику, як і власне люди розмовляють між собою у повсякденному житті» (Вікна); «... головний герой повинен говорити відповідно до свого середовища й освіти, що він пояснює: “Пойміть правильно”» (20 хвилин Тернопіль). Хотя этот писатель отстаивает свой выбор в положительном ключе, другой с оговоркой оценивает использование смеси в литературе: «Він, як і обценна лексика, може бути чудовим стилістичним прийомом, майстерним засобом творення художніх образів. Звичайно, якщо автор тонко відчуває текст і не переходить межу» (Високий Замок). Нам интересно, что когда речь идет о детской литературе, он намекает на борьбу с суржиком через намеренное использование смешанной речи: «У моїх історіях якщо й трапляється суржик, то переважно звучить з уст негативних героїв. Навряд чи діти захочуть бути схожими на таких персонажів» (там же).

В основном мы заметим, что восприятие суржика указывает на наличие «лингвистической неуверенности» как отмечает и Sériot (2005, с. 40-43). Данный концепт был теоретически разработан бельгийским лингвистом М. Francard в отношении его связи с языковой нормой (Francard, Lambert, & Berdal-Masuy, 1993, с. 12-14), чье определение обобщено сегодня как «осознания у носителей языка дистанции между тем, на чем они говорят, и языком (или разновидностью языка), социально узаконенным, поскольку он представляет собой язык доминирующего класса, так как он воспринимается как “чистый”» (Blanchet, Clerc, & Rispaill, 2014, с. 293).

Проблематичность суржика заключается в том, что он не считается ни подлинным украинским, ни русским языком, ни составом обоих лингвистических систем, хотя является продуктом их контакта. Именно такая неопределенность дефиниции способствует четкому отмежеванию суржика от литературных языков, осознанию диглосического конфликта и необходимости бороться со смешанным вариантом.

Выводы и перспективы исследования. Таким образом, из приведенного выше анализа мы можем проиллюстрировать языковую ситуацию в Украине в рамках треугольной системы, основываясь на эффекте мажорации и минорации украинского, русского языков и суржика.

Что касается украинского языка, то ему присваивается положительная оценка не только через его лингвистическую характеристику (чистота, престиж, литературность), но и общественные аспекты его влияния (объединитель нации и носителей языка). Несмотря на то, что в статьях упоминается недавнее повышение его социального статуса и увеличение числа его носителей, нынешнее положение остается нерешенным, так как русский язык и суржик еще широко распространены в обществе.

Как правило, русский язык качественно негативно оценивают в обратную пропорциональную зависимость от украинского. Однако когда речь идет о смешанной речи, то как украинский, так и русский становятся предпочтительным выбором, поскольку оба языка имеют литературную форму. С суржиком ассоциируются негативные репрезентации языковых особенностей (смешанный, несоответствующий норме) и произошедший из-за них низкий социальный статус (неграмотный, необразованный). Его позитивная стереотипизация не изменит в значительной степени эту схему, пока смешанная речь не приобретет аналогичных положительных репрезентаций, которые имеют аутентичные языки, что видится маловероятным.

Как показывает наш материал, говорить по-русски и говорить на суржике воспринимается как два совершенно разных действия. Первое не проблема, если человек правильно владеет двумя языками и может использовать их должным образом в соответствующих ситуациях. Когда он смешивает их, тогда возникает проблема, поскольку суржик ставит под угрозу существование украинского языка, размывая границу между двумя языками и подкрепляя лингвистическую неуверенность. Таким образом, лингвистический дискурс в нашем материале фиксирует языковую идеологию, направленную не только на промоцию украинского языка над русским, но и на превращение украинско-суржиковой диглосии в украинско-русскую по крайней мере.

Мы считаем, что наши предварительные результаты демонстрируют потенциал нашей теоретической основы и методологии, которые позволяют нам тщательно и целостно рассмотреть сложную языковую ситуацию. Релятивистский подход к языкам в Украине и публичный характер журналистских публикаций существенно помогли нам в проведении исследования. Однако требуются дальнейшие усилия в продолжении нашей работы, поскольку данная тематика имеет актуальный и динамичный аспекты. Отметим, что мы не смогли изложить половину данных, особенно тех, которые касаются еще одного типа дискурса, посвященного символической роли языков в культуре, истории или политике страны. Остальные части материала будут рассмотрены в ближайшей работе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 5 Канал. URL: <https://www.5.ua> (дата звернення: 17.03.2021).
20 Хвилини Вінниця. URL: <https://vn.20minut.ua/> (дата звернення: 17.03.2021). 20 Хвилини Тернопіль.
URL: <https://te.20minut.ua/> (дата звернення: 17.03.2021).
АрміяINFORM. URL: <https://armyinform.com.ua/> (дата звернення: 17.03.2021).

- Високий Замок. URL: <https://www.wz.lviv.ua/> (дата звернення: 17.03.2021).
- Вичерпно. URL: <https://vycherpno.ck.ua/> (дата звернення: 17.03.2021).
- Вікна. URL: <https://vikna.if.ua/> (дата звернення: 17.03.2021).
- Волинські Новини. URL: <https://www.volynnews.com/> (дата звернення: 17.03.2021).
- Еспресо. URL: <https://ru.espresso.tv/> (дата звернення: 17.03.2021).
- Масенко Л. Т. Суржик : між мовою і язиком. Київ : Києво-Могилянська академія, 2011. 135 с.
- Назаренко Л. Український суржик – соціолект, просторечие, пиджин? К вопросу о языковой ситуации на Украине. *Slavica litteraria*. 2012. № 15(2). С. 243–250.
- Огієнко І. Історія української літературної мови. Київ : Наша культура і наука, 2001. 440 с. URL: <http://litopys.org.ua/ohukr/ohu.htm> (дата звернення: 17.03.2021).
- Радіо Свобода. URL: <https://www.radiosvoboda.org/> (дата звернення: 17.03.2021).
- Твоє Місто. URL: <http://tvoemisto.tv/> (дата звернення: 17.03.2021).
- Узунов С. Мовна ситуація в Україні: білінгвізм чи диглосія? *Українське мовознавство*. 2014. № 44. С. 81–93.
- Bernsand N. Surzhyk and national identity in Ukrainian nationalist language ideology. *Berliner Osteuropa Info*. 2001. № 17. С. 38–47.
- Bilaniuk L. A typology of surzhyk: Mixed Ukrainian-Russian language. *International Journal of Bilingualism*. 2004. № 8(4). P. 409–425.
- Blanchet P. Minorations, minorisations, minorités : essai de théorisation d'un processus complexe. *Cahiers de sociolinguistique*. 2005. № 10 (1). P. 17–47.
- Blanchet P., Clerc S., Rispaill M. Réduire l'insécurité linguistique des élèves par une transposition didactique de la pluralité sociolinguistique. *Études de linguistique appliquée*. 2014. № 175(3). P. 283–302.
- Blanchet P. Repères terminologiques et conceptuels pour identifier les discriminations linguistiques. *Cahiers internationaux de sociolinguistique*. 2013. № 4 (2). P. 29–39.
- Boyer H. Présentation. *Études de linguistique appliquée*. 2006. № 143(3). P. 261–263.
- Boyer H. Le stéréotypage ambivalent comme indicateur d'une situation conflictuelle de contact de langues. *Stéréotypage, stéréotypes : fonctionnements ordinaires et mises en scène* / ed. H. Boyer. Paris : L'Harmattan, 2007. P. 39–47.
- Boyer H. Introduction à la sociolinguistique. Malakoff : Dunod, 2017. 136 p.
- Chambers J. K., Trudgill P. Dialectology. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 216 p.
- Francard M., Lambert J., Berdal-Masuy F. L'insécurité linguistique en Communauté française de Belgique. Bruxelles : Service de la langue française, Direction générale de la culture et de la communication, 1993. 44 p.
- Gazeta.ua. URL: <https://gazeta.ua/ru/> (дата звернення: 17.07.2021).
- Huck D. Minoration et majoration dans le discours épilinguistique institutionnel sur les langues en Alsace. *Cahiers de sociolinguistique*. 2005. № 10(1). P. 187–202.
- Jodelet D. Représentations sociales : un domaine en expansion. *Les représentations sociales*. / Ed. D. Jodelet. Paris : Presses Universitaires de France, 2003. P. 45–78.
- Kent K. Morphosyntactic analysis of Surzhyk, a Russian-Ukrainian mixed lect: Doctoral dissertation / University of Minnesota. Minneapolis, MN, 2012. 176 p.
- Mannoni P. Les représentations sociales. Paris : Presses Universitaires de France, 2016. 128 p.
- O'Keeffe A. Media and discourse analysis. *The Routledge Handbook of Discourse Analysis* / Ed. J. Gee, M. Handford. London: Routledge, 2011. P. 441–454.
- Py B. Pour une approche linguistique des représentations sociales. *Langages*. 2004. № 154(2). P. 6–19.
- Sériot P. Diglossie, bilinguisme ou mélange de langues : le cas du suržyk en Ukraine. *La linguistique*. 2005. № 41(2). P. 37–52.
- Silverstein M. Language Structure and Linguistic Ideology. *The Elements: A Parasession on Linguistic Units and Levels* / ed. P. R. Clyne, W. F. Hanks, C. L. Hofbauer. Chicago, IL: Chicago Linguistic Society, 1979. P. 193–247.
- UAINFO. URL: <https://uainfo.org/> (дата звернення: 17.03.2021). UA.News. URL: <https://ua.news/> (дата звернення: 17.03.2021).
- Zbyr I. Contemporary language issues in Ukraine: Bilingualism or russification. *Journal of Arts and Humanities*. 2015. № 4(2). P. 45–54.
- Znaj.ua. URL: <https://znaj.ua> (дата звернення: 17.03.2021).

TAKUMI IKEZAWA

SOCIOLINGUISTIC REPRESENTATIONS REGARDING LINGUISTIC CHARACTERISTICS OF UKRAINIAN, RUSSIAN AND SURZHYK IN UKRAINIAN MEDIA DISCOURSE

This article examines the widespread social perception of the linguistic characteristics of Ukrainian, Russian languages and Surzhyk, which is commonly known as a mixed language of the two. The aim of this article is to establish a common interpretation of their forms and uses from a sociolinguistic perspective to clarify their perceived valuation in the situation of language contact. We rely especially on the theories of sociolinguistic representations and language majoration and minoration, elaborated in the French sociolinguistics, which allows us to have a clear view of the dynamic system within the multilingual communities. This study gives a detailed analysis of journalistic articles dedicated to language issues in Ukraine published on the internet, for gaining a broad and topical sets of data. Our results show that there exists a complex relation between the mixed language and the two languages, where on the one hand Surzhyk is interpreted to be constructed from the Ukrainian and Russian languages, while on the other hand, the illiterateness of its speakers is emphasized. Furthermore, we see that speaking Surzhyk could

in fact be more negatively perceived than speaking Russian, since it has the potential to pose a threat to the existence of the Ukrainian language.

Key words: Language contacts; sociolinguistic representations; language majoration and minoration; media discourse; Surzhyk.

REFERENCES

- 5 Kanal. Retrieved from <https://www.5.ua/> [in Ukrainian].
- 20 Khvylyn Ternopil. Retrieved from <https://te.20minut.ua/> [in Ukrainian].
- 20 Khvylyn Vinnytsia. Retrieved from <https://vn.20minut.ua/> [in Ukrainian].
- ArmiiaINFORM. Retrieved from <https://armyinform.com.ua/> [in Ukrainian].
- Bernsand, N. (2001). Surzhyk and national identity in Ukrainian nationalist language ideology. *Berliner Osteuropa Info*, 17, 38-47.
- Bilaniuk, L. (2004). A typology of surzhyk: Mixed Ukrainian-Russian language. *International Journal of Bilingualism*, 8(4), 409-425.
- Blanchet, P. (2005). Minorations, minorisations, minorités : essai de théorisation d'un processus complexe. *Cahiers de Sociolinguistique*, 10(1), 17-47.
- Blanchet, P. (2013). Repères terminologiques et conceptuels pour identifier les discriminations linguistiques. *Cahiers Internationaux de Sociolinguistique*, 4 (2), 29-39.
- Blanchet, P., Clerc, S., & Rispaill, M. (2014). Réduire l'insécurité linguistique des élèves par une transposition didactique de la pluralité sociolinguistique. *Études de Linguistique Appliquée*, 175 (3), 283-302.
- Boyer, H. (2006). Présentation. *Études de Linguistique Appliquée*, 143(3), 261-263.
- Boyer, H. (2007). Le stéréotypage ambivalent comme indicateur d'une situation conflictuelle de contact de langues. In H. Boyer (Ed.), *Stéréotypage, stéréotypes : fonctionnements ordinaires et mises en scène* (pp. 39-47). Paris : L'Harmattan.
- Boyer, H. (2017). *Introduction à la sociolinguistique*. Malakoff : Dunod.
- Chambers, J. K., & Trudgill, P. (1998). *Dialectology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Espresso. Retrieved July 17, 2021, from <https://ru.espresso.tv/> [in Russian]
- Francard, M., Lambert, J., & Berdal-Masuy, F. (1993). *L'insécurité linguistique en Communauté française de Belgique*. Bruxelles : Service de la langue française.
- Gazeta.ua. Retrieved from <https://gazeta.ua/ru/> [in Russian].
- Huck, D. (2005). Minoration et majoration dans le discours épilinguistique institutionnel sur les langues en Alsace. *Cahiers de Sociolinguistique*, 10(1), 187-202.
- Jodelet, D. (2003). Représentations sociales : un domaine en expansion. In D. Jodelet (Ed.), *Les représentations sociales* (pp. 45-78). Paris: Presses Universitaires de France.
- Kent, K. (2012). *Morphosyntactic analysis of Surzhyk, a Russian-Ukrainian mixed lect* (D diss.). Retrieved from <https://hdl.handle.net/11299/137718/>
- Mannoni, P. (2016). *Les représentations sociales*. Paris: Presses Universitaires de France.
- Masenko, L. T. (2011). *Surzhyk : mizh movoju i yazykom [Surzhyk: Between Mova and Yazyk]*. Kyiv: Kyievo-Mohylianska akademiia [in Ukrainian].
- Nazarenko, L. (2012). Ukrainskij surzhik – sociolekt, prostorechie, pidzhin? K voprosu o yazykovej situacii na Ukraine [The ukrainian "Surzhik" - sociolect, popular speech, pidgin? On the question of the language situation in Ukraine]. *Slavica Litteraria*, 15(2), 243-250 [in Russian].
- Ohiienko, I. (2001). *Istoriia ukrainskoi literaturnoi movy [History of Ukrainian Literary Language]*. Kyiv: Nasha kultura i nauka. Retrieved from <http://litopys.org.ua/> [in Ukrainian].
- O'Keeffe, A. (2011). Media and discourse analysis. In J. Gee & M. Handford (Eds.), *The Routledge Handbook of Discourse Analysis* (pp. 441-454). London: Routledge.
- Py, B. (2004). Pour une approche linguistique des représentations sociales. *Langages*, 154 (2), 6-19.
- Radio Svoboda. Retrieved from <https://www.radiosvoboda.org/> [in Ukrainian].
- Sériot, P. (2005). Diglossie, bilinguisme ou mélange de langues : le cas du suržyk en Ukraine. *La Linguistique*, 41 (2), 37-52.
- Silverstein, M. (1979). Language Structure and Linguistic Ideology. In P. R. Clyne, W. F. Hanks, & C. L. Hofbauer (Eds.), *The Elements: A Parasession on Linguistic Units and Levels* (pp. 193-247). Chicago, IL: Chicago Linguistic Society.
- Tvoie Misto. Retrieved from <http://tvoemisto.tv/> [in Ukrainian] UAINFO. Retrieved from <https://uainfo.org/> [in Ukrainian].
- UA.News. Retrieved from <https://ua.news/> [in Ukrainian].
- Uzunov, S. (2014). Movna sytuatsiia v Ukraini: bilinhvizm chy dyhlosiia? [Language Situation in Ukraine: Bilingualism or Diglossia?] *Ukrainske Movoznavstvo [Ukrainian Linguistics]*, 44, 81-93.
- Vikna. Retrieved from <https://vikna.if.ua/> [in Ukrainian].
- Volynski Novyny. Retrieved from <https://www.volynnews.com/> [in Ukrainian].
- Vycherpno. Retrieved from <https://vycherpno.ck.ua/> [in Ukrainian].
- Vysokyi Zamok. Retrieved July 17, 2021, from <https://www.wz.lviv.ua/> [in Ukrainian].
- Zbyr, I. (2015). Contemporary language issues in Ukraine: Bilingualism or russification. *Journal of Arts and Humanities*, 4(2), 45-54.
- Znaj.ua. Retrieved from <https://znaj.ua/ru/> [in Russian]

Отримано 5.04.2021р.